

В отделе уголовного розыска полиции города Цзин атмосфера разительно отличалась от той, что царила в храме Юэцзянь. Здесь было настолько душно и тягостно, что, казалось, воздух можно было резать ножом.

Фан Шуюй сидел за рабочим столом, раздраженно постукивая пальцами по столешнице. Прошло несколько дней, но расследование дела Ли Гоэр зашло в тупик. Попытки отследить пользователя с ником Золотая цикада в сети напоминали поиск иголки в стоге сена: преступник использовал сложнейшие системы переадресации и шифрования, над которыми до сих пор бились технические специалисты. Проверка людей с медицинским образованием и странным поведением не дала результатов — круг подозреваемых оказался слишком велик. Полуразмытый отпечаток обуви не поддавался восстановлению, и определить модель было невозможно. Единственной зацепкой оставались эти жуткие насекомые.

В дверь постучали.

— Войдите, — не поднимая головы, бросил Фан Шуюй.

Дверь открылась, но вошел не кто-то из его подчиненных, а Лу Пинчжоу.

Он, как всегда, был безупречен: светло-серая рубашка идеального кроя и строгие черные брюки подчеркивали его статную фигуру. Однако на переносице у него красовались очки в тонкой золотой оправе. Взгляд за стеклами оставался таким же острым, но в нем появилось нечто новое — непривычное спокойствие и едва уловимая тяжесть. Очки не только не испортили его внешность, но и придали ему вид человека сдержанного и даже аскетичного, еще больше подчеркнув холодную отстраненность.

— Пинчжоу? — Фан Шуюй был удивлен и поспешно поднялся со стула. — Ты как здесь оказался? А где доктор Чжун?

Он заметил, что Лу Пинчжоу держит в руках папку.

— Чжун Шу занят другими делами, — голос Лу Пинчжоу звучал так же четко и хладнокровно. Он подошел к столу и протянул Фан Шуюю папку. — Это предварительный отчет по биологическим образцам, обнаруженным в желудке погибшей. Эксперты из биологического факультета университета Цзин подготовили его за ночь.

Фан Шуюй взял отчет и нетерпеливо раскрыл его. Документ был составлен профессионально и подробно, с фотографиями насекомых под микроскопом. Твари выглядели свирепы: их тела покрывал странный хитиновый панцирь, а некоторые образцы сохранили остатки полупрозрачной кожи после линьки.

Его взгляд быстро скользил по выводам, и брови сходились все ближе: ...Морфологические признаки существенно отличаются от всех известных отрядов насекомых, паукообразных и многоножек... Предварительно классифицировано как неизвестный вид высокоспецифичного

паразитического членистоногого... Проявляет поразительную устойчивость к сильным кислотам (симуляция желудочной среды), состав панциря содержит неизвестные органические полимеры с аномально стабильной структурой...

В самом конце отчета жирным шрифтом была выделена строка:

□Особое примечание: исходя из биологических характеристик (устойчивость к кислоте, предполагаемый механизм роста через линьку) и мнений некоторых экспертов по фольклору, нельзя исключать связи данного образца с легендами о гу, распространенными в некоторых районах провинции Наньцзян. Требуется дальнейшее изучение, однако это сопряжено с колоссальными трудностями.□

— Гу? — Фан Шуюй поднял глаза на Лу Пинчжоу, его взгляд стал острым. — Наньцзянские насекомые гу? Как они могли оказаться в Цзине? Да еще и внутри желудка жертвы?

Лу Пинчжоу поправил очки, в которых отразился холодный свет:

— Отчет лишь предполагает вероятность, основываясь на необъяснимых биологических свойствах и региональных легендах. Наука пока не может подтвердить существование гу как биологического вида или механизм их работы. Но нельзя отрицать, что само появление этих существ и их экстремальная приспособляемость выходят за рамки привычной биологии.

Он сделал паузу и добавил:

— Энтомологи говорят, что это невероятная редкость. Они перерыли кучу архивов и библиотек, но не нашли ни одной записи. Источник, скорее всего, Наньцзян, но это лишь предположение. Важнее другое: в отчете указано, что, даже находясь в Наньцзяне, тот, кто наслал гу, теоретически может управлять ими удаленно через определенные посредники. Это крайне осложняет следствие.

Фан Шуюй сжал папку так, что побелели костяшки пальцев. Ниточка снова привела к началу, став при этом еще более запутанной и пугающей. Он вспомнил слова Чи Сяньчуаня на горе: начало жертвоприношения, большие замыслы, знающие люди.

— Наньцзян... гу... — пробормотал Фан Шуюй и вдруг просиял. — Точно! Чи Сяньчуань! Этот парень много чего повидал, может, он что-то знает! — Он посмотрел на Лу Пинчжоу. — Пинчжоу, съездишь со мной в Юэцзянь? Спросим Чи Сяньчуаня, вдруг он узнает эту тварь.

При имени Чи Сяньчуаня Лу Пинчжоу едва заметно поморщился. Перед глазами тут же возник образ того наглого, языкастого шарлатана у входа в торговый центр. Он хотел было отказаться, но, вспомнив необъяснимые биологические странности из отчета и то, как внезапно прекратилась чертовщина в доме его друга Линь Чжиюаня, а также непоколебимую веру того в силу бумажных талисманов, решил, что любопытство сильнее неприязни.

— Хорошо, — кивнул Лу Пинчжоу, голос его звучал ровно. — Мне и самому интересно, что скажет этот хозяин храма.

Фан Шуюй вел машину, направляясь к горе Фэнлин. По дороге он вкратце рассказал о Чи Сяньчуане и его храме, делая упор на особые способности, проявленные тем во время дела Соловья, и на свою оценку: лентяй и любитель денег, но в критический момент на него можно положиться. Лу Пинчжоу слушал, сохраняя скептицизм, но хорошее воспитание не позволило ему спорить.

Когда машина остановилась у ворот храма Юэцзянь, был уже полдень. Воздух в горах был свежим, слышалось пение птиц. Как только они вошли, то почувствовали, что атмосфера изменилась. Паломников было немного, но в храме царил порядок, а в воздухе витал легкий аромат благовоний. Чжао Маньтан, обладавший острым зрением, тут же поспешил навстречу:

— Офицер Фан! Вы пришли! А это...

Он с любопытством разглядывал статного Лу Пинчжоу.

— Это профессор Лу, мой друг, — представил его Фан Шуюй. — Где Сяньчуань?

— Брат Сяньчуань в главном зале проводит обряд! Сегодня редкий случай, много людей, он сам взялся за дело! — Чжао Маньтан указал в сторону главного зала с гордой улыбкой. — Вы подождите, я сейчас...

— Не нужно, мы сами пройдем, — Фан Шуюй махнул рукой и потянул за собой сомневающегося Лу Пинчжоу.

Они пошли на звук и замерли, увидев то, что предстало перед ними.

Двери зала были распахнуты, внутри клубился дым благовоний. Чи Сяньчуань в своем индиговом халате с золотыми нитями и шапочке хуньюань стоял, прямой как сосна. Он выписывал ногами ритуальные шаги, складывал пальцы в мудры и нараспев читал глубокие, таинственные тексты. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь двери, окутал его фигуру мягким золотым сиянием. Дым благовоний вился вокруг, делая его лицо торжественным, а взгляд — пустым и отрешенным. Казалось, он не имеет ничего общего с бренным миром, словно небожитель, спустившийся на землю, исполненный сострадания и величия.

Фан Шуюй уже видел Чи Сяньчуаня серьезным, но сейчас тот казался еще более... неземным. Лу Пинчжоу же просто ошеломлен.

Это... тот самый шарлатан, что сидел на скамейке у торгового центра и впаривал людям бумажки? Человек перед ним, величественный и одухотворенный, был полной, почти абсурдной противоположностью тому образу, что засел в памяти! Это торжественное

выражение лица, этот ритмичный танец, эти слова, которые, казалось, могли достучаться до небес... Все это было слишком реально, слишком сильно било по восприятию!

В тот момент, когда Лу Пинчжоу пытался осознать увиденное, обряд подошел к кульминации. Чи Сяньчуань направил деревянный меч на статую Гром-предка, сделал шаг и громко выкрикнул:

— Исполнить!

Едва он закончил говорить —

— Грррр-ах!

Раздался глухой, но отчетливый раскат грома, который без всякой причины прогремел в безоблачном небе! Звук был таким близким, будто ударило прямо над головой, заставив дрожать листву старых деревьев во дворе!

Стоявшие снаружи паломники ахнули, на их лицах читался трепет. Они шептали что-то вроде Гром-предок снова явил чудо или У даоса великая сила.

Лу Пинчжоу резко вскинул голову к чистому небу, его зрачки сузились. Снова явил чудо? Раз — совпадение, но два, три? И каждый раз в определенный момент обряда? Это сильное совпадение ударило по его материалистическому мировоззрению, как кувалда. На мгновение его дыхание перехватило. В душе зародилось странное чувство, смесь изумления и крушения основ. Он вспомнил слова Линь Чжиюаня: После того как наклеил талисман, дома стало тихо, сплю до самого утра!

Обряд завершился, Чи Сяньчуань опустил меч и поклонился. Паломники под руководством Лю Хэшаня и Чжан Шоуцзина почтительно возжигали благовония и получали подношения. Кто-то хотел обратиться к даосу за советом, но увидел, что тот уже тихо ушел через боковую дверь.

— Где он? — спросил Фан Шуюй у Чжао Маньтана.

Тот как раз с довольным видом пересчитывал деньги за благовония и, услышав вопрос, указал на задний двор:

— Ушел отдыхать. Обряд — дело утомительное, брат Сяньчуань наверняка хочет передохнуть.

Фан Шуюй и Лу Пинчжоу переглянулись и направились на задний двор.

Возле грядок Чи Сяньчуань, все еще в своем парадном одеянии, стоял, неподвижно глядя на зелень. Солнце играло на его индиговом халате, профиль под шапочкой был безупречен. Он

тихо читал отрывок из Канона чистоты и покоя: Если человек постоянно хранит покой, Небо и Земля возвращаются к нему... В этот миг он казался единым целым с солнцем, зеленью и ветром — все тем же неземным изваянием.

Почувствовав приближение людей, он медленно обернулся. Когда его взгляд упал на Фан Шую и особенно на Лу Пинчжоу, неземное выражение лица схлынуло, как прилив, и уголки губ привычно изогнулись в ленивой, насмешливой улыбке.

— О, офицер Фан? Редкий гость, — он небрежно поздоровался и перевел взгляд на Лу Пинчжоу, улыбнувшись еще шире, с оттенком подколки: — А это... господин? Не ожидал, что вы тоже придете в такое место, где проповедуют суеверия? Пришли расширить кругозор или... наконец решились купить пару талисманов?

Фан Шую с любопытством посмотрел на Лу Пинчжоу:

— Пинчжоу, вы знакомы?

Лу Пинчжоу смотрел на Чи Сяньчуаня, который мгновенно превратился из небожителя в приземленного торгаша, и чувствовал, как шок сменяется знакомым ощущением абсурда. Он поправил очки и ответил ровным, лишенным эмоций голосом:

— Этот хозяин храма — тот самый мастер, который в торговом центре пытался продать моему другу бумажные талисманы.

Фан Шую понимающе рассмеялся:

— Ха-ха, вот оно что! Пинчжоу — наш внештатный консультант, профессор судебной медицины. Вы двое... весьма интересная пара.

Чи Сяньчуань приподнял бровь, ничуть не смутившись жалобой Лу Пинчжоу. Напротив, услышав про судебную медицину, он с интересом оглядел профессора, а затем вернулся к своему ленивому состоянию:

— О? Профессор Лу? Прошу прощения. Похоже, ваш дух исследователя неизвестного сильнее, чем я думал. Ну как? Перестало шуметь в доме господина Линя?

Лу Пинчжоу проигнорировал вопрос об эффективности талисманов и сухо ответил:

— Стало тише. Но это не доказывает, что дело в талисманах. Возможно, это самовнушение или другие факторы. — Он сменил тему: — Мы пришли к вам по делу.

Фан Шую тоже стал серьезным:

— Сяньчуань, мы по поводу дела Ли Гоэр. В желудке погибшей мы нашли странных насекомых.
— Он протянул отчет. — Энтомологи не знают, что это, говорят, может быть связано с гу из Наньцзяна. Ты много чего повидал, посмотри, узнаешь это?

Ленивое выражение лица Чи Сяньчуаня при словах насекомых и гу немного изменилось. Он взял отчет и начал листать. Увидев фотографии под микроскопом и описание устойчивости к кислоте, он на мгновение замер. Затем поднял глаза на Фан Шуюя, и в его взгляде читалось любопытство и... тяжесть?

— Забавно, — тихо сказал он, закрыл отчет и повернулся, направляясь в свою комнату. — Идемте.

Фан Шуюй и Лу Пинчжоу последовали за ним.

В комнате Чи Сяньчуаня было просто: кровать, письменный стол и огромный стеллаж, забитый книгами. Кроме даосских трактатов, там были философские труды, книги по психологии, медицине, анатомии, тайнам гу и даже мировая классика. Разнообразие поражало. Лу Пинчжоу, скользнув взглядом по корешкам, особенно по медицинским книгам, не смог скрыть удивления.

Черный кот Сяобай, свернувшийся клубком на кровати, лениво открыл зеленые глаза. Увидев хозяина, он тихо мяукнул, но затем его взгляд переметнулся на Лу Пинчжоу.

Кот будто замер, а потом сделал то, что удивило даже Чи Сяньчуаня. Он грациозно спрыгнул с кровати, подошел к ногам профессора и, оттолкнувшись, прыгнул прямо ему на руки!

Лу Пинчжоу машинально подхватил его. Сяобай устроился поудобнее, потерся о него и заурчал.

Лу Пинчжоу слегка напрягся. У него была легкая брезгливость, он не привык к такой близости с животными. Но шерсть кота была блестящей и чистой, без запаха, а зеленые глаза светились спокойствием. Его рука, державшая кота, невольно расслабилась.

— Ц-ц, — не удержался Чи Сяньчуань. — Сяобай, ну ты и ценитель красоты, как увидел красавца, так сразу в объятия? — Голос его звучал с ноткой зависти.

Фан Шуюй тоже удивился:

— Сяобай обычно держится холодно, чужих не подпускает. Похоже, Пинчжоу пришелся ему по душе.

Чи Сяньчуань не стал развивать тему, подошел к стеллажу, порылся на нижней полке и вытащил потрепанный блокнот. Быстро пролистав его до нужной страницы, он протянул его

Фан Шуюю.

— Вот, смотрите.

Фан Шуюй взял блокнот, Лу Пинчжоу, не выпуская кота, придвинулся ближе. На странице была нарисована странная тварь, рядом с которой шло описание. Существо с рисунка на 80 процентов совпадало с тем, что было в отчете!

Там было написано:

□Название□: Гу, меняющее дух (предположительно).

□Происхождение□: Секретное учение Наньцзяна, крайне редкое, методы выращивания почти утеряны.

□Свойства□: Прочный панцирь, устойчив к сильным кислотам (желудочный сок, яды). Личинка должна паразитировать в теле теплокровного существа, питаясь его жизненной энергией, и пройти через девять линек до созревания. Каждая линька вытягивает из хозяина силы, причиняя невыносимые страдания.

□Управление□: Тот, кто наслал гу, должен использовать собственную кровь или личные вещи жертвы (волосы и т.д.) как проводник, и с помощью тайных техник управлять гу на расстоянии. Созрев, гу может покинуть тело. Сброшенная кожа содержит часть души и жизненной эссенции хозяина, являясь крайне иньским и злым предметом.

□Применение□: Говорят, используется для создания магических артефактов, наложения проклятий или как инструмент для зловещих ритуалов освобождения от тела. Из-за того, что хозяин испытывает нечеловеческие муки, считается одним из самых жестоких видов гу.

<http://bllate.org/book/18779/1822047>